

ЛЮБОВЬ

TO THE
* 1850

За эти годы попытки переплести биографию Маяковского скрывалось несколько моментов: во-первых, Л.Ю.Брик «мешала» образу Маяковского как политического поэта, приверженца социалистического реализма. Публикация 125 писем и телеграмм Маяковского к ней в 1953 г. выявила психологический облик поэта, не укладывающийся в рамки узкоидеологического толкования его творчества (публикация подверглась жестокой критике, а запланированный второй том «Литературного наследства» о Маяковском так и не вышел). Во-вторых, чтобы закрепить реалистический, «нефутуристический» характер творчества Маяковского, необходимо было его оторвать от литературной среды 10-х и 20-х гг. К этим двум осознанным факторам надо прибавить еще один: жизнь Маяковского и Брик в одной квартире — моральная авантюра и сомнительный пример тем, кому должна быть образцом биография поэта.

результате всех попыток издать Брик — биографию Маяковского сместили многие следы их совместной жизни — помимо закрытия музея, можно указать и на публикацию фотографий, на которых Лиля Брик тщательнейшим

Любовь Маяковского и Л.Ю.Брик всегда привлекала внимание исследователей и сплетников почти в одинаковой степени. Для одного эта связь — отталкивающий пример декадентской буржуазной морали, вызывающий него-

В книге Л.Ф.Волкова-Ланнита «Вижу Маяковского» (М., 1981) на этом снимке нет ни Л.Ю.Брик, ни дерева, подпись же гласит: «В. Маяковский в Мексике. 1925 г.»

* Этот текст является сокращенным вариантом предисловия Б.Янгфельдта к переписке Маяковского и Л.Ю.Брик: любовь — это сердце всего. Переписка В.В.Маяковского и Л.Ю.Брик 1915—1930, Москва 1992 г.

А

дование и почти непостижимую неприязнь к Л.Ю. и О.М. Брикам, — такова была более или менее официальная советская позиция с конца 60-х годов; другие видят в этом романе своего рода бытовой эксперимент, смелую попытку создать новые отношения любви и дружбы — в таком толковании их отношения получают порою статус идеализированного мифа. В своем исследовании я стараюсь избежать обеих этих крайностей...

Владимир Владимирович Маяковский с Лилей Юрьевной (1891—1978) и Осипом Максимовичем (1888—1945) Брик встретились впервые летом 1915 г. хотя знали друг о друге до этого через сестру Лили — Эльзу.

Л.Ю. стала новой и единственной героиней в жизни и творчестве Маяковского. Начиная с 1915 г. Маяковский посвящал печатно Л.Ю. все свои поэмы. А когда в 1928 г. вышел первый том его собрания сочинений, посвященные гласило: Л.Ю.Б. — тем самым поэт посвятил ей все им написанное и до, и после знакомства.

Любовь Маяковского к Л.Ю. была огромна, и переживал он любовные радости и огорчения гиперболически, как это было ему свойственно. Об этом свидетельствует запись Л.Ю. «Как было дело»: «Володя не просто влюбился в меня — он напал на меня, это было нападение. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты — буквально».

Первые два-три года их знакомства были, таким образом, трудными для обоих. Маяковский в своей поэзии «короновал» Л.Ю., а она раздражалась, устав от его безмерной любви к ней.

«Только в 1918 году я могла с уверенностью сказать О.М. о нашей любви. С 1915 г. мои отношения с О.М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою с ним дружбу, ни дружбу Маяковского и Брика. За три прошедших года они стали необходимы друг другу — им было по пути и в искусстве, и в политике, и во всем. Все мы решили никогда не расставаться и прожили жизнь близкими друзьями. Так комментирует сама Л.Ю. изменение в отношениях между ней, О.М. и Маяковским. Хотя отношения с Маяковским перешли в новое качество, но любовь Л.Ю. к мужу не ослабевала. В записи «Как было дело» она разъясняет предпосылки их отношений: «Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о «треугольнике», «любви троим» и т.п. — совершенно не похоже на то, что было. Я любила, люблю и буду любить Ося больше, чем брата, больше, чем мужа, больше, чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, ни в какой литературе. (...) Эта любовь не мешала моей любви к Володе. Наоборот: возможно, что если б не Ося, я любила бы Володю не так сильно. Я не могла не любить Володю, если его так любил Ося. Ося говорил,

что для него Володя не человек, а событие. Володя во многом перестроил Осину мышление (...), и я не знаю более верных друг к другу, более любящих друзей и товарищей».

Осенью 1922 г. отношения между Маяковским и Л.Ю. выдержали кризис, первое серьезное испытание после «легализации» их романа в 1918 г. Кризис назрел во время поездки в Берлин в октябре—ноябре и вспыхнул в конце декабря: по инициативе Л.Ю., она и Маяковский приняли решение прожить два месяца врозь — он в своей рабочей комнате в Лубянской проезд, она в квартире в Водопьяном переулке...

28 февраля в три часа дня истек для Маяковского «срок заключения». В восемь часов вечера они встретились с Л.Ю. на вокзале, чтобы поехать на несколько дней вместе в Петроград. Войдя в купе, Маяковский прочитал ей только что законченную поэму «Про это» и заплакал...

1924 год был переломным в развитии их отношений.

Сохранилась записка от Л.Ю. к Маяковскому, в которой она заявляет, что не испытывает больше прежних чувств к нему, прибавляя: «Мне кажется, что и ты любишь меня много меньше и очень мучаться не будешь».

Одна из причин этой перемены в их отношениях очевидна. В письме от 23 февраля 1924 г. Л.Ю. спрашивает: «Что с А.М.?» Александр Михайлович Краснощеков, бывший председатель и министр иностранных дел правительства Дальневосточной республики, в 1921 г. вернулся в Москву и в 1922 г. стал председателем Промбанка и заместителем Наркомфина. Л.Ю. познакомилась с ним летом того же года. Между ней и Краснощековым начался роман, о котором знал Маяковский. В сентябре 1923 г. Краснощеков был арестован по необоснованным обвинениям и приговорен к тюремному заключению.

Осенью 1924 г. Маяковский уехал в Париж. После одной недели во французской столице Маяковский пишет Л.Ю.: «(...) писать я не могу, а кто ты и что ты я все же совсем не знаю. Утешать ведь все же себя нечем ты родная и любимая, но все же ты в Москве и ты или чужая или не моя». Л.Ю. ответила: «Что делать. Не могу бросить А.М. пока он в тюрьме. Стыдно! Так стыдно как никогда в жизни». Маяковский: «Ты пишешь про стыдно. Неужели это все что связывает тебя с ним и единственное что мешает быть со мной. Не верю! (...) Делай как хочешь ничто никогда и никак моей любви к тебе не изменит». Л.Ю. была не права, полагая в своей записке, что он любит ее «много меньше» — ничто не могло подорвать его любви к ней, и он «мучился».

После возвращения из Америки (1925) отношения между ним и Л.Ю. окончательно

перешли в новую фазу. «Характер наших отношений изменился», — пишет Л.Ю.

В апреле 1926 г. Брики и Маяковский переехали на квартиру в Гендриковом переулке.

Парадоксально, что Маяковский и Л.Ю. съехались в одну квартиру только теперь, когда кончилась уже их «супружеская» жизнь. На самом деле этот факт — только лишнее свидетельство глубокой дружбы, связывавшей этих людей; новые, эмоционально менее напряженные отношения между Маяковским и Л.Ю. являлись скорее всего необходимым условием для такого бытового эксперимента.

Осенью 1928 г. Маяковский опять едет в Париж. Помимо чисто литературных дел, поездка имела и другую цель. 20 октября он поехал в Ниццу, где отыкала его русско-американская подруга Элли Джонс с дочкой, которую он признавал своей. Судя по письмам Элли Джонс, встреча в Ницце была неудачной; уже 25 октября он вернулся в Париж.

Вечером того же дня Маяковский познакомился с Татьяной Алексеевной Яковлевой, молодой русской, в 1925 г. приехавшей в Париж. Маяковский и Т.Яковлева сразу влюбились друг в друга.

Маяковский покинул Париж в начале декабря, но вернулся туда уже в феврале 1929 г.; в этот приезд он пробыл там два с лишним месяца. Он предложил Т.Яковлевой стать его женой и уехать с ним в Россию — мысль, которую она, по словам Р.Якобсона, «встретила уклончиво». Но роман их продолжался, и Маяковский собирался вернуться в Париж в октябре того же года...

В двух огоньковских статьях 1968 г. в том, что поездка не состоялась обвинили Брика, которые-де не были заинтересованы в женитьбе Маяковского на Т.Яковлевой. Намеки даются без доказательств, но так как Брики сами спустя пять месяцев уехали за границу, считается естественным, что у них были возможности влиять на визовые дела...

Л.Ю. и О.М. действительно поехали в Германию и в Англию в феврале 1930 г. Согласно «Дневнику» Л.Ю., они подали заявление о визе уже осенью 1929 г., но получили отказ. Отказ пришел 10 октября, то есть в то же самое время, когда Маяковский должен был уехать во Францию. Брики получили свои паспорта только 6 февраля 1930 г., после того, как Маяковский «хлопотал» о них у Кагановича. Спрашивается: если Брики обладали достаточной властью, чтобы помешать планам Маяковского, почему они не смогли устроить заграничные паспорта самим себе?..

1929 год — переломный год в русской истории, и в политическом, и в культурном отношениях. В феврале был выдворен Лев Троцкий, а в ноябре Бухарина исключили из Политбюро. В течение года были проведены чистки в партии и в ряде учреждений. Поздним летом и осенью велась в печати ожесточенная

Нет, повторяю, оснований идеализировать их жизнь, но еще меньше оснований сознательно умять роль Брик в жизни Маяковского и любовь поэта к Л.Ю.; такое принижение ближайших друзей Маяковского — не что иное, как удар по самому поэту.

кампания против Б.Пильняка и Евг. Замiatина, чьи произведения печатались за границей, — кампания, в которой, между прочим, сам Маяковский играл весьма сомнительную роль, осуждая своих коллег.

Кампания против двух писателей совпала с важным изменением в Совнаркоме: 12 сентября А.Луначарский, с 1917 г. возглавлявший Наркомат просвещения, был вынужден уйти со своего поста. Луначарский всегда относился хорошо к Маяковскому и Брикам, бывал у них дома, всячески помогал им.

В сентябре 1929 г. произошел еще один инцидент, значительно затруднивший советским гражданам выезд за границу: сбежал советник советского посольства в Париже, старый большевик Г.З.Беседовский, после чего был принят «закон о невозвращенцах», карающий невозвращение в СССР смертной казнью.

Учитывая все события, происходившие летом и осенью 1929 г., факт несостоявшейся поездки Маяковского кажется мне не только не загадочным, но в некоторой мере даже закономерным...

Любовь Маяковского к Л.Ю. была безмерна. Она была женщиной его жизни, жить без нее он не мог. Он любил ее с эмоциональным зарядом, с которым мало кому дано любить, искренно, безоговорочно, хотя он знал, что ее любовь к нему была другого характера...

Для него Л.Ю. была всем, для нее же любовь к Маяковскому не была единственно важным в ее жизни. Они знали о романах друг друга, но в отличие от Л.Ю. Маяковский страдал от этого знания; даже если он и хотел, он не был в состоянии любить так, как она...

Несмотря на кризисы в их взаимоотношениях, их объединяла общность необычного характера, отличительными чертами которой были глубокая дружба, преданность, взаимное доверие, общие интересы. Нет, повторяю, оснований идеализировать их жизнь, но еще меньше оснований сознательно умять роль Брик в жизни Маяковского и любовь поэта к Л.Ю.; такое принижение ближайших друзей Маяковского — не что иное, как удар по самому поэту.

Орфография и пунктуация В.Маяковского даны без изменений.

<1—27 февраля 1923 г. Москва>
Солнышко Личика!

Сегодня 1 февраля. Я решил за месяц начать писать это письмо. Прошло 35 дней. Это по крайней мере часов 500 непрерывного думания!

Я пишу потому, что я больше не в состоянии об этом думать (голова путается, если не сказать) потому что думаю все ясно и теперь (относительно, конечно) и в третьих потому что боюсь просто разрадоваться при

встрече и ты можешь получить, вернее я всучу тебе под соусом радости и остроумия мою старую дрянность. Я пишу письмо это очень серьезно. Я буду писать его только утром когда голова еще чистая и нет моих вечерних усталости, злости и раздражения.

На всякий случай я оставляю поля, чтоб передумав что-нибудь я б отменял.

Я постараюсь избежать в этом письме каких бы то ни было «эмоций» и «условий». Это письмо только о безусловно проверенном мною, о передуманном мною за эти месяцы, — только о фактах (1 февр.) <...>

О.М. Брик, Л.Ю. Брик, В.В.Маяковский. Москва, 1929 г.

В.В. Маяковский: Портрет Л.Ю. Брик. 1916 г.

Л.Ю. Брик. Москва, 1924 г. Фотомаж А.М. Родченко

Ты прочтешь это письмо обязательно и минутку подумаешь обо мне. Я так бесконечно радуюсь твоему существованию, всему твоему даже безотносительно к себе, что не хочу ве-

рить, что я сам тебе не важен. <...>

Что делать со «старым»
Могу ли я быть другой?
Мне непостижимо, что я стал такой.

Я, год выкидывавший из комнаты даже матрац, даже скамейку, я три раза ведущий такую «не совсем обычную» жизнь, как сегодня — как я мог, как я смел быть так изъеден квартирной молью.

Это не оправдание, Личика, это только новая улика против меня, новое подтверждение, что я именно опустился.

Но, детка, какой бы вины у меня не было, наказания моего хватит на каждую — не даже, что эти месяцы, а то, что нет теперь ни прошлого просто, ни давно прошедшего для меня нет, а есть один до сегодняшнего дня длящийся теперь ничем не делимый ужас. Ужас не слово, Личика, а состояние — всем видам человеческого горя я б дал сейчас описание с мясом и кровью. Я вынес мое наказание как заслуженное. Но я не хочу иметь поводов снова попасть под него. Прошлого для меня до 28 декабря, для меня по отношению к тебе до 28 февраля — не существует ни в словах, ни в письмах, ни в делах.

Продолжение на 30-й стр.

1993 и 5

ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ
ИНТИМНОЕ

А

Окончание. Начало на 6—7 стр.

Была никакого никогда не в чем не будет! Ничего старого бытового не пролезет — за ЭТО я ручаюсь твердо. Это-то я уж во всяком случае гарантирую. Если я этого не смогу сделать, то я не увижу тебя никогда, увиденный, приласканный даже тобой — если я увижу опять начало быта, я убегаю. (Весело мне говорить сейчас об этом, мне, живущему два месяца только для того чтоб 28 февраля в 3 часа дня взглянуть на тебя, даже не будучи уверенным что ты это допустишь.)

Решение мое ничем, ни дыханием не портить твою жизнь — главное. То, что тебе хоть месяц, хоть день без меня лучше чем со мной это удар хороший.

Это мое желание, моя надежда. Силы своей я сейчас не знаю. Если силенки не хватит на немного — помоги, детик. Если буду совсем тряпка — вытрите мною пыль с вашей лестницы. Старье кончилось (3 февраля 1923 г. 9 ч. 8 м.).

Сегодня (всегда по воскресеньям) я еще со вчерашнего дня неважный. Писать воздержусь. Гнетет меня еще одно: я как-то глупо ввернул об окончании моей поэмы Оське — получается какой-то шантаж на «прощение» — положение совершенно глупое. Я нарочно не закончу вещи месяц! Кроме того это тоже поэтическая бытовщина делать из этого какой-то особый интерес. Говорящие о поэме думают, должно быть — придумал способ интриговать. Старый приемчик! Прости Лилик — обмолвился о поэме как-то от плохого настроения. (4/II)

Сегодня у меня очень «хорошее» настроение. Еще позавчера я думал, что жить сквернее нельзя. Вчера я убедился что может быть еще хуже — значит позавчера было не так уж плохо.

Одна польза от всего от этого: последующие строчки, представляющиеся мне до вчера гадательными, стали твердо и незыблемо.

О моем сидении

Я сижу до сегодняшнего дня шепетильно честно, знаю точно так же буду сидеть и еще до 3 ч.

28 ф. почему я сижу — потому что люблю? Потому что обязан? Из-за отношений?

Ни в каком случае!!! Я сижу только потому, что сам хочу, хочу подумать о себе и о своей жизни.

Если это даже не так я хочу и буду думать что именно так. Иначе всему этому нет ни названия, ни оправдания.

Только думая так, я мог не кривя писать записки тебе — что «сижу с удовольствием» и т.д.

Можно ли так жить вообще? Можно, но только не долго. Тот, кто проживет хотя бы вот эти 39 дней, смело может получить аттестат бессмертия.

Поэтому никаких представлений об организации будущей моей жизни на основании этого опыта я сделать не могу. Ни один из этих 39 дней я не повторю никогда в моей жизни.

Я только могу говорить о мыслях, об убеждениях, верах, которые у меня оформляются к 28-ому, и которые будут точкой из которой начнется все остальное, точкой, из которой можно будет провести столько линий сколько мне захочется и сколько мне захотят.

Если бы ты не знала меня раньше это письмо было бы совершенно не нужно, все решалось бы жизнью. Только потому что на мне в твоём представлении нацелено миллион ракушек — привычек и пр. гадости — только поэтому тебе нужно кроме моей фамилии при рекомендации еще и этот путеводитель.

Теперь о создавшемся:

Люблю ли я тебя? (5/II 23 г.)

Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. Аминь. Смешно об этом писать, ты сама это знаешь.

Мне ужасно много хотелось здесь написать. Я нарочно оставил день продумать все это точно. Но сегодня утром у меня невыносимое ощущение ненужности для тебя всего этого.

Только желание запротоколировать для себя продвинуло эти строчки.

30

Главные черты моего характера — две:
1) Честность, держание слова, которое я себе дал (смешно?).
2) Ненависть ко всякому принуждению. От этого и «дрязги», ненависть к домашним принуждениям и ... стихи, ненависть к общему принуждению.

Л. Ю. Брик

Едва ли ты прочтешь когда-нибудь написанное здесь. Само же себя долго убеждать не приходится. Тяжко, что к дням, когда мне хотелось быть для тебя крепким и на утро перенеслась эта нескончаемая боль. Если совсем не совладаю с собой — больше писать не стану. (6/II) <...>

Опять о моей любви. О пресловутой деятельности. Исчерпывает ли для меня любовь все? Все, но только иначе. Любовь это жизни, это главное. От нее разворачиваются и стихи и дела и все пр. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу все остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает оно не может не проявляться в этом во всем. Без тебя (не без тебя — отъезде), внутренне без тебя) я преграждаюсь. Это было всегда, это и сейчас. Но если нет «деятельности» — я мертв. Значит ли это что я могу быть всякий, только что «цепляться» за тебя. Нет. Положение у которого ты сказала при расставании «что ж делать, я сама не святая, мне вот нравится «чай пить». Это положение при любви исключается абсолютно. <...>

О твоём приглашении

Я хотел писать о том любишь ли ты меня, но твоё письмо совершенно меня разбудоражило, я должен для себя еще раз остановиться на нем. Может ли быть это письмо продолжением отношений? Нет, ни в каком случае нет. Пойми, детик! Мы разошлись, чтоб подумать о жизни в дальнейшем, длить отношения не хотела ты, вдруг ты вчера решила что отношения быть со мной могут, почему же мы не вчера поехали, а едем через 3 недели? Потому что мне нельзя? Этой мысли мне не должно и являться, иначе мое сидение становится не добровольным, а заточением, с чем я ни на секунду не хочу согласиться. Я никогда не смогу быть создателем отношений, если я по мановению твоего пальчика сажусь дома реветь два месяца, по мановению другого срываюсь даже не зная что думаю и, бросив все, мчусь. Не словом а делом я докажу тебе что я думаю обо всем и о себе также прежде чем сделать что-нибудь. Я буду делать только то что вытекает из моего желания. Я еду в Питер. Еду потому, что два месяца был занят работой, устал, хочу отдохнуть и развеселиться. Неожиданной радостью было то, что это совпадает с желанием проехаться ужасно нравящейся мне женщиной. Может ли быть у меня с ней что-нибудь? Едва ли. Она чересчур мало обращала на меня внимания вообще. Но ведь и я не ерунда — попробую понравиться.

А если да, то что дальше? Там видно будет. Я слышал, что этой женщине быстро все надоедает. Что влюбленные мучаются около нее кучками, один недавно чуть с ума не сошел. Надо все сделать чтоб оберечь себя от такого состояния.

Чтоб во всем этом было мое участие я заранее намечаю срок возврата (ты думаешь, чем бы дитя не тешилось, только б не плакало, что же, начну с этого), я буду в Москве пятого, я все сведу так, чтоб пятого я не мог не вернуться в Москву. Ты это, детик, поймешь. (8/II 23).

Любишь ли ты меня?

Для тебя, должно быть, это странный вопрос — конечно любишь. Но любишь ли ты меня? Любишь ли ты так, чтоб это мной постоянно чувствовалось? Нет. Я уже говорил Осе. У тебя не любовь ко мне, у тебя — вообще ко всему любовь. Занимаю в ней место и я (может быть даже большое) но если я кончаюсь то я вынимаюсь, как камень из реки, а твою любовь опять всплывает над всем остальным. Плохо это? Нет, тебе это хорошо, я б хотел так любить. <...>

Детик, ты читаешь это и думаешь — все врет, ничего не понимает. Лучик, если это даже не так, то все равно это мной так ощущается. Правда, ты прислала, детик, мне Петербург, но как ты не подумала детик, что это на полдня удлинение срока! Подумай только, после двухмесячного путешествия подъезжать две недели и еще ждать у семафора полдня! (14/II 23 г.) <...>

Лилик — все это я пишу не для укора, если это не так я буду счастлив передумать все. Пишу для того чтоб тебе стало ясно — и ты должна немного подумать обо мне.

Если у меня не будет немного «легкости» то я не буду годен ни для какой жизни. Смогу вот только как сейчас доказывать свою любовь каким-нибудь физическим трудом. (18/II 23 г.) <...>

Семей идеальных нет. Все семьи лопаются. Может быть только идеальная любовь. А любовь не установишь никаким «должен», никаким «нельзя» — только свободным соревнованием со всем миром.

Я не терплю «должен» придумать! Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходится, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

Был

Я виноват во всем быте, но не потому что я лиричек-средня-

чек, любящий семейный очаг и жену-пришивальщицу пуговиц. Нет!

Тяжесть моего бытового сидения за 66 какая-то неосознанная душевная «итальянская забастовка» против семейных отношений, унижительная карикатура на самого себя. <...>

Я чувствую себя совершенно отвратительно и физически и духовно. У меня ежедневно болит голова, у меня тик, доходило до того, что я не мог чаю себе налить. Я абсолютно устал, так как для того чтоб хоть немножко отвлечься от всего этого я работал по 16 и по 20 часов в сутки буквально. Я сделал столько, сколько никогда не делал и за полгода.

Характер

Ты сказала — чтоб я подумал и изменил свой характер. Я подумал о себе, Лилик, что б ты не говорила, а я думаю что характер у меня совсем не плохой.

Конечно, «играть в карты», «пить» и т.д. это не характер, это случайность — довольно крепкие, но мелочи (как веснушки: когда к тому есть солнечный повод они приходят и уж тогда эту «мелочь» можно только с кожей снять, а так, если принять вовремя меры, то их вовсе не будет или будут совсем незаметные).

Главные черты моего характера — две:

1) Честность, держание слова, которое я себе дал (смешно?).

2) Ненависть ко всякому принуждению. От этого и «дрязги», ненависть к домашним принуждениям и ... стихи, ненависть к общему принуждению.

Я что угодно с удовольствием сделаю по доброй воле, хоть руку сожгу, <a> по принуждению даже несение какой-нибудь покупки, самая маленькая цепочка вызывает у меня чувство тошноты, пессимизма и т.д. Что ж отсюда следует что я должен делать все что захочу? Ничего подобного. Надо только не устанавливать для меня никаких внешне заметных правил. Надо то же самое делать со мной, но без всякого ощущения с моей стороны. <...> Целую Кисю. (27/II 23).

Какая жизнь у нас может быть, на какую я в результате согласен? Всякую. На всякую. Я ужасно по тебе соскучился и ужасно хочу тебя видеть. <...>

Я не терплю «должен» придумать!

Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходится, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

Был

Я виноват во всем быте, но не потому что я лиричек-средня-

Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходится, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

Был

Я виноват во всем быте, но не потому что я лиричек-средня-

Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходится, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

Был

Я виноват во всем быте, но не потому что я лиричек-средня-

Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходится, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

Был

Я виноват во всем быте, но не потому что я лиричек-средня-

Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходится, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

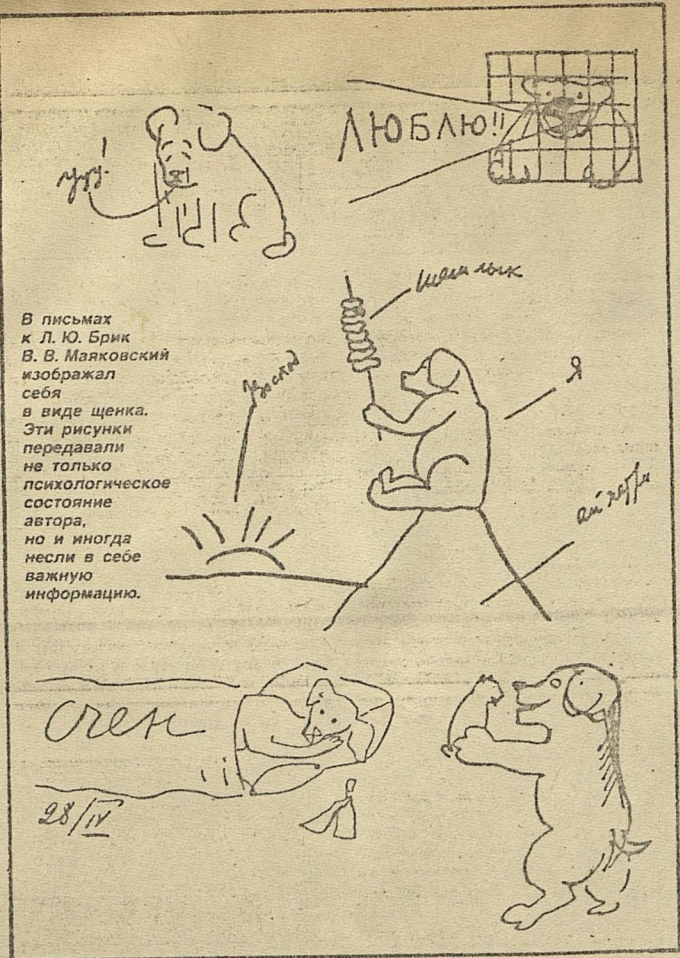
Был

Я виноват во всем быте, но не потому что я лиричек-средня-

Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходится, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

Был

Я виноват во всем быте, но не потому что я лиричек-средня-

В письмах к Л. Ю. Брик В. В. Маяковский изображал себя в виде щенка. Эти рисунки передавали не только психологическое состояние автора, но и иногда несли в себе важную информацию.